

время, предметный мир произведения, перемещение героя в пространственно-временных координатах и его восприятие этих координат.

Топос дома, топос дороги и топос героя воплощают в себе признаки мифологического, социального и природного пространства-времени, но по-разному функционируют в каждом из них. Выявление многоплановости функционирования данных топосов поможет раскрыть специфику модусов художественного пространства-времени в прозе В. Астафьева и В. Козько, а также выйти за границы пространственно-временных отношений к более глубокому пониманию авторской концепции произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин – СПб.: Азбука, 2000.
2. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975.
3. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. – М.: Наука, 1979.
4. Лотман, Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь / Ю.М. Лотман. – М.: Просвещение, 1988.
5. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. – М.: Аспект Пресс, 1996.
6. Успенский, Б.А. Поэтика композиции / Б.А. Успенский. – СПб.: Азбука, 2000.
7. Шкловский, В.Б. Избранное. В 2 т. / В.Б. Шкловский. – М.: Худож. лит., 1983. – Т. 1: Повести о прозе; Размышления и разборы.
8. Шкловский, В.Б. Избранное. В 2 т. / В.Б. Шкловский. – М.: Худож. лит., 1983. – Т. 2: Тетива. О несходстве сходного. Энергия заблуждения. Книга о сюжете.
9. Эйхенбаум, Б.М. О литературе: Работы разных лет / Б.М. Эйхенбаум. – М.: Сов. писатель, 1987.

Е.В. Лушневская (Полоцк, ПГУ)

ВОПРОС О СКАНДИНАВСКИХ ПРОТОТИПАХ В «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ»

Эпическая поэзия германцев существовала не в рукописях и не в книгах, а в устном исполнении в форме героических песен. Мы знаем о ее особенностях лишь из вторых и третьих рук. Делать определенные выводы по ней помогают написанные по-латыни хроники германских народностей (сочинение римского историка Корнелия Тацита «Германия»), латинские версии произведений германской поэзии («Вальтариус»), адаптации эпических сюжетов в немецкоязычной поэзии последующих веков («Песнь о нибелунгах»), а также записи произведений северогерманской поэзии, сделанные в Скандинавии («Старшая Эдда» и «Младшая Эдда») и так далее. По мнению С.Ю. Неклюдова, героический эпос, относящийся – с точки зрения самой традиции – к числу повествований «достоверных», сравнительно редко является предметом культурного заимствования, хотя в нем разработаны ряд так называемых бродячих сюжетов, распространенность которых, скорее всего, является результатом культурной диффузии [9]. Вероятность данного явления обусловлена характерным для германских племен в IV–VI веках движением, так называемым «великим переселением народов».

Большинство тех, кто использовал в своем творчестве сказания о нибелунгах, обращались, в первую очередь, к скандинавским версиям этих легенд. Объясняется это тем, что на скандинавском севере феодальные отношения разворачивались гораздо медленнее, чем в Германии. И христианство не пустило там столь глубоких корней, как в других странах Европы, и язычество оставалось господствующей религией на острове до конца X века. В Исландии был составлен сборник мифологических и героических песен (IX–XII веков), впоследствии названный «Старшей Эддой», содержащий ряд песен, посвященных сказанию о нибелунгах. К этим песням примыкают более поздние прозаические обработки сказания. Одна из них принадлежит перу исландского скальда Снорри Стурлусона («Младшая Эдда», середина XIII века), другая входит в исландскую «Сагу о Вёлсунгах» (вторая половина XIII века), повествующую о Зигфриде (Сигурде) и его славных предках. Сказание о нибелунгах, весьма близкое к средневерхнегерманской поэме, включено также в компилятивную «Сагу о Тидреке» (Дитрихе Бернском), составленную в Норвегии около 1250 года двумя авторами, пользовавшимися «сказаниями немецких мужей» из ганзейских городов и «бывальными песнями на немецком языке» [1, с. 103]. Если «Песнь о нибелунгах» имеет скандинавские прототипы, то кажется интересным определение характера их связи, то есть что послужило отправной точкой для их сравнения: мифологический контекст или историческая действительность?

Образ легендарного героя Сигурда-Зигфрида, объединяющий мифологические и сказочные мотивы, вызывал интерес как континентальных, так и северных германских народов на протяжении обширной исторической эпохи. Что касается исторической основы, то попытки некоторых ученых ее нащупать

мало убедительны. Весьма плодотворными следует признать замечания А. Хойслера о мифологических и исторических элементах германского эпоса. Для «неомифологов» (Ж. Дюмезиль, Ян де Фриз, Ф.Р. Шрёдер) эпические сюжеты восходят к мифу, религиозному обряду и культу. Зигфрид становится сыном небесного бога и богини земли, его «эпическая биография» – отражением мифа об умирающем и воскресающем боге или сыне божьем, родственного скандинавскому мифу о Бальдре. Напротив, сторонники «исторических» разысканий (Хуго Кун и Курт Вайс) склонны искать источник трагедии Зигфрида, как это делалось и раньше без особого успеха, в кровавых семейных раздорах эпохи Меровингов (борьба между королевами Брюнхильдой и Фредегундой и убийство молодого короля Сигиберта, мужа Брюнхильды, по наущению ее соперницы, в 565 году). В этих обстоятельствах критические предостережения Хойслера не потеряли и доныне своей актуальности [5, с. 42].

Все же следует отметить, что как в «Песни о нибелунгах», так и в эддических «Речах Хамдира» присутствуют герои, имеющие исторические прототипы. Это Теодерих, отождествленный в «Песни о нибелунгах» с образом Дитриха Бернского, Аттила там же выступает в роли Этцеля, второго мужа Кримхильды. В скандинавском сказании «Ричи Хамдира» Ёрмунрекк – это Эрманарих, держава которого в 375 году распалась в результате нападения гуннов [2, с. 30].

Подвиги Сигурда явно сказочно-мифические, да и сам он, скорее герой мифа или сказки, а не исторический персонаж [8]. Для мифологического героя характерна уже неясность его происхождения. В большинстве версий он назван сыном Сигмунда, сына Вёлсунга. После того, как Зигфрид добыл клад нибелунгов, он становится нибелунгом. В немецкой «Песни о нибелунгах» в первой части нибелунги – первоначальные обладатели клада. Нибелунг, король страны нибелунгов, его сыновья Шильбунг и Нибелунг, а также их дружинники, сказочные существа (великаны или люди огромного роста и необычайной силы). С переходом клада в руки бургундских королей и после убийства ими Зигфрида к ним (во второй части «Песни») переходит и имя «нибелунги». Таким образом, это имя связано с обладанием золотым кладом, над которым тяготеет проклятье.

Тема клада, приносящего несчастье его обладателю, занимает видное место в германском и скандинавском эпосах: наряду с циклом о нибелунгах, она встречается и в «Беовульфе», где герой погибает, отобрав сокровища у сторожившего их дракона. Однако в легенде о нибелунгах сокровища трактуются как воплощение власти: могущество принадлежит тому, кто владеет золотом. Представление о том, что богатства властителя суть не что иное, как его магически материализованное «счастье», «удача», «везенье», было распространено у германцев и скандинавов [8].

Согласно языческим мифам, Сигурд, став владельцем проклятого клада, обручается с Брюнхильдой. Но, принужденный расстаться с ней для осуществления подвигов, ибо «не судила судьба, чтобы они жили вместе», Сигурд поддается чарам Гримхильды-волшебницы, которая женит его на дочери своей Гудрун, сестре короля Гуннара. Для Гуннара же Сигурд добывает Брюнхильду, совершая все необходимые для этого подвиги в облике Гуннара. Однако позже спор королей разоблачает обман [6, с. 81]. Не раз прототипы «Песни о нибелунгах» искали в более ранних сказаниях «Эдды». Характерно также отождествление сюжета «Песни» с содержанием «Саги о Тидреке» и возникшей позже «Саги о Вёлсунгах». Но эти сказания больше касаются предыстории «нибелунгов», и поэма, в свою очередь, заканчивается гибелью бургундских королей, завершая тем самым их историю. Однако последняя строфа «Песни о нибелунгах» не дает однозначного ответа о дальнейшей судьбе героев поэмы.

²³⁷⁹ «Ich kann euch nicht bescheiden, was weiter noch geschah.
Ich weiß nur, dass man Ritter und Frauen weinen sah
Und auch die edlen Knappen um lieber Freude Tod.
Hier hat die Mār ein Ende: das ist der Nibelunge Not»
[7, S. 695].

²³⁷⁹ «Я не могу сказать вам, что дальше было там;
Лишь то: видали плачущих и рыцарей, и дам,
И кнехтов знатных, плакали все о друзьях не раз.
А здесь конец: таков-то про Горе Нибелунгов сказ»
[3, с. 437].

Сравнение дошедших до нас поэтических версий и вариантов сказания делает необходимым поиск исторического контекста в характерах главных героев. Обладатель проклятого клада Сигурд-Зигфрид после женитьбы на Кримхильде (независимо от характера связей с Брюнхильдой) был убит бургундами. Кровавая месть Кримхильды за убийство Зигфрида положила конец истории Нибелунгов. Однако, судя по «Речам Хамдира», древнейшему из героических сказаний, представленных в «Старшей Эдде», история рода Зигфрида находит свое продолжение в образах Хамдира и Сёрли, сыновей Сигурда и Гудрун. Историческая основа «Речей Хамдира» – события IV века. Историк Аммиан Марцеллин рассказывает (около 390 года), что король остготского царства у Черного моря Эрманарих (= исл. Ёрмунрекк) в 375 году покончил с собой из-за страха перед нашествием гуннов. Готский историк Йордан сообщает (в середине VI века и, может быть, уже на основе готской героической песни), что братья из племени росомонов, Сарус и Аммиус, напали на Эрманариха и пронзили ему бок мечом, мстя за свою сестру Сунильду (= исл. Сванхильд), которую Эрманарих велел привязать к хвостам коней и разорвать на части в наказание за измену ее мужу. Сказание это известно также из ряда более поздних скандинавских и немецких источников

(стихов скальда Браги, «Младшей Эдды», «Саги о Вёлсунгах», Саксона Грамматика, одной нижненемецкой песни XVI века и так далее). По-видимому, уже в Скандинавии это сказание связали со сказанием о Сигурде и Гьёкунках: Сванхильд – дочь Сигурда, Гудрун – мать Сванхильд, а также Хамдира и Сёрли. Неясно, восходит ли к готской традиции Эрп, их сводный брат (сын Йонакра от иноплеменной наложницы и поэтому черноволосый), которого они убили и тем самым сделали неизбежной свою гибель [4, с. 249]. Таким образом, в скандинавском сказании Гудрун-Кримхильда не погибает, а продолжает уже историю гуннов. Ее сыновья Хамдир и Сёрли

¹¹«Из дому вышли,
фырка в ярости,
двинулись в путь
через влажные горы
на *гуннских* конях,
к мести готовые» [4, с. 155].

Как известно, в «Песни о нибелунгах» с историей гуннов связана гибель братьев Кримхильды, ее самой и всего бургундского королевства. Поэтому связь между скандинавскими сказаниями о Сигурде и «Песней о нибелунгах» больше мифологического, нежели исторического характера. Сходны мотивы о неуязвимости главных героев сказаний: Зигфрид был уязвим лишь в одной точке тела, не омытой кровью дракона; доспехи Хамдира и Сёрли были заколдованы против железа, но не против камня. Этим и воспользовались их побратимы Хаген и Ёрмунрекк. В обоих случаях женщина (жена или мать) неумышленно выдает секрет уязвимости героя, который погибает от руки брата или побратима [8]. Мотив предостережения смерти возникает в обоих сказаниях. Так, в «Песни о нибелунгах» Хаген предчувствует гибель бургундских королей от гуннов, а в «Речах» уже гунны предсказывают свою гибель и говорят Гудрун:

¹⁰«Братьев оплакивай,
милых сынов,
родичей близких,
в битве погибших!
Обоих нас тоже
ты, Гудрун, оплачешь,
всадников смелых! –
к смерти мы близки» [4, с. 155].

Следует отметить, что в обоих произведениях Кримхильда-Гудрун призывает своих родных на гибель.

В исландской «Эдде» в «старой» песне о Сигурде (Зигфриде) рассказывается о том, как король Гуннар (Гунтер) с помощью Сигурда обманом овладел строптивой невестой Брюнхильдой: развязка – убийство Сигурда по наущению Брюнхильды в отместку за обман. «Эдда» знает другую, «малую» песню о Сигурде, но это – не продолжение старой песни, а вариант того же сюжета в новой, модернизированной обработке. В той же «Эдде» «Песнь об Атли» (Аттиле), существующая в двух вариантах, рассказывает о том, как король гуннов, жадный до золота Гуннара, зазвал его в свою страну и убил, а жена Атли, Гудруна, сестра Гуннара, отомстила своему мужу за братьев: развязка – убийство Атли Гудруной и пожар дворца, в котором Гудруна сжигает короля и его свиту. И здесь Гудруна могла быть известна из других песен, например из песни о Сигурде как жена этого героя; но песня об Атли – не вторая глава сказания о Сигурде. Однако между сюжетами этих песен нет необходимой связи, каждая песня вполне самостоятельна, исчерпывает сюжет до конца. Вторая часть немецкой поэмы о нибелунгах по сюжету совпадает с песней об Атли в «Эдде»: она рассказывает также о «гибели нибелунгов» (Гунтера и его братьев) в стране гуннов. Однако при одинаковом сюжете рассказ немецкой поэмы в 28 раз пространнее архаической песни в «Эдде».

Исследователи XIX – начала XX века (В. Гольтер, А. Хойслер) разрушили романтическую концепцию, доказав, что на скандинавском севере сказание о нибелунгах развивалось своим особым путем и многое из того, что ученым представлялось особенно древним, на самом деле являлось результатом более позднего местного развития [1, с. 111]. По мнению Б.Н. Путилова, «эпос – это не совершенная фиксация исторических событий, не фантастическое описание исторических лиц, не дурной способ хранения информации, а конструирование из исторических воспоминаний своего – эпического мира, «эпической модели истории» [9]. Было бы ошибочным предполагать, что в произведениях XII–XIII веков старинные германские сказания продолжали бытовать без всяких изменений. Как ни любили народные певцы петь «по старине», они творили, чутко откликаясь на требования своего времени. Поток событий неудержимо увлекал за собой героический эпос. Правда, от древнейшего периода дошли только обрывки. Мы располагаем лишь рукописями, относящимися главным образом к XIII–XVI векам. Все же нет сомнения в том, что героический эпос все время находился в движении, в развитии. «Песнь о нибелунгах» – это композиционно сложная эпическая поэма, отражающая события бурной эпохи «переселения народов», в то же

время насыщенная вкраплениями культуры миннезанга, кроме того, предысторию «Песни», по мнению ряда ученых, составляют многочисленные мифические сказания. А. Хойслер считает, что «эпические сказания не существуют вне песен и поэм; поэтому история героических сказаний есть история литературных произведений...» («Sagengeschichte ist Literaturgeschichte») [5, с. 39]. «Героический эпос развивается как непосредственное продолжение традиций непосредственного повествовательного фольклора доклассового общества, первоначально на основе взаимодействия героической песни-сказки и первобытного мифологического эпоса о первопредках – культурных героях. Только после того, как опыт государственной консолидации нанес решительный удар мифологизации исторического прошлого, важнейшим источником эпических сказаний становятся исторические предания о межплеменных войнах, переселениях, выдающихся военных вождях и т.д.» [8]. Героические сказания древних германцев (Heldensagen) были созданы и передавались в устной традиции в форме повествовательных эпико-драматических песен дружинного певца. Поэтому эволюция сказания (эпического сюжета) обусловлена жизнью песни.

«Военная демократия» уступила место феодализму, угасла идеология родового строя, христианство вытеснило языческие верования, вся жизнь стала иной. Естественно, что в этих новых условиях героический эпос не мог сохранить своего первоначального характера. Перед немецким эпосом стояла новая социальная действительность. Какие бы события далекого прошлого он ни изображал, он не мог не стать эпосом эпохи феодализма. Поэмы приобрели более монументальный, более «литературный», подчас даже более изысканный характер. Не прошли для них бесследно успехи куртуазной поэзии. Вероятно, и некоторые шпильманы были непосредственно связаны с тем или иным феодальным двором. Картины придворного рыцарского быта появлялись в поэмах, посвященных событиям дофеодальной эпохи [1, с. 100].

ЛИТЕРАТУРА

1. История немецкой литературы в пяти томах / В.Г. Шатков; под общ. ред. Н.И. Балашова [и др.]. – М.: Акад. наук СССР, 1962–1976. – Т. 1: IX–XVII вв. – 470 с.
2. Корсунский, А.Р. Упадок и гибель Западной Римской империи, и возникновение германских королевств (до середины VI в.) / А.Р. Корсунский, Р. Гюнтер. – М.: МГУ, 1984. – 256 с.
3. Песнь о Нибелунгах с введением и примечаниями / Пер. М.И. Кудряшова. – СПб.: Типография Лебедева Н.А., 1889. – 440 с.
4. Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А.И. Корсуна; отв. ред. В.М. Жирмунский. – СПб.: Наука, 2005. – 259 с.
5. Хойслер, А. Германский героический эпос и сказание о нибелунгах. / А. Хойслер; пер. с нем. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 446 с.
6. Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков / Н.И. Муравьева. – М.: Учпедгиз, 1953. – 704 с.
7. de Boor, H. Das Nibelungenlied. Zweitsprachige Ausgabe / H. de Boor. – Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1959. – 700 S.
8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philos.omsk.edu/bred/nauka/fv01.htm/>. – Дата доступа: 15.03.2008.
9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ruthenia.ru/folklore/neckludov18.htm. – Дата доступа: 23.03.2008.

А.А. Смутькевич (Полоцк, ПГУ)

ВИДЫ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ СБОРНИКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЕМИДЕСЯТИ РАССКАЗОВ ПОПУГАЯ», «ДЕКАМЕРОНА» И «КЕНТЕРБЕРИЙСКИХ РАССКАЗОВ»)

Сюжеты, которые «путешествуют» из литературы одной страны в литературу другой, называются бродячими сюжетами. Схожесть мотивов и сюжетов в различных литературах была настолько очевидна для литературоведов, что впоследствии сложилась миграционная теория. Широкое признание она получила во второй половине XIX века. Данная теория объясняет сходство мотивов в различных литературах заимствованием, перемещением произведений либо их отдельных частей из страны в страну [1]. Как пишет И.К. Горский в статье «Наследие А.Н. Веселовского и сравнительное изучение славянских литератур», «окончательное оформление этой теории связывается с именем Теодора Бенфея, который доказывал, что сходство произведений может объясняться не только их происхождением от общего предка, как думали мифологи, но и миграцией, странствованием их из края в край в процессе исторического общения народов» [2, с. 224]. Последователем Т. Бенфея в России стал В. Стасов. Они оба пытались выделить основной критерий заимствования сюжетов и мотивов. Они определяли воспринимающую литературу и литературу-источник, исходя из временной последовательности возникновения сравниваемых произведений.